

ЭПИСТОЛОЛОГИЯ ПОЗДНЕЙ ВИЗАНТИИ, ПРОЭЛЕВСИС (конкретно-историческая часть)

Эпистолология как вспомогательная историческая дисциплина¹ призвана разработать, с одной стороны, методику исследования писем как исторического источника, при этом решаются следующие теоретические задачи: 1) разработка методики отграничения писем от всех других видов исторических памятников; 2) разработка методики датировки писем по совокупности эпистолологических признаков; 3) разработка методики введения переписки в научный оборот.

С другой стороны, эпистолология решает практические, а именно конкретно-исторические задачи: 1) непосредственное вычленение переписки; 2) разработка архитектоники переписки; 3) введение эпистолярного наследия в научный оборот.

Отмеченные задачи являются сугубо эпистолологическими. Вместе с тем каждая теоретическая поэтапная разработка взаимосвязана с соответствующей практической (иными словами, конкретно-исторической) задачей эпистолологии.

Исходя из этого, можно говорить в целом о трех ступенях эпистолологического исследования, на каждой из которых поставленная цель решается как в теоретическом, так и в конкретно-историческом плане. Названные стадии в обработке эпистолярного наследия можно обозначить как апохорисис (гр. *η ἀποχωρισίς* — отделение, разделение), проэлевсис (гр. *η προέλευσις* — возникновение) и эфармосис (гр. *η ἐφαρμογή* — применение).

Цель настоящей статьи — выявление архитектоники поздневизантийской переписки (конкретно-историческая часть проэлевсиса).

Неоднократно византилисты обращали внимание на повторение информных слов, словосочетаний, оборотов, конформных по смыслу высказываний в письмах того или иного поздневизантийского автора², однако относились к подобной практике составителей писем крайне отрицательно, скептически. Непроизвольная фиксация трафаретных слов, выражений, семантических оборотов уже приводит к мысли о возможном наличии эпистолярных формул. Думается, однако, что анализу архитектоники писем должно предшествовать изучение организации эпистолярного общения и рассмотрение теории поздневизантийского эпистолярного стиля (в идентичном смысле будут употребляться также словосочетания «теория письма» и «эпистолярная теория»). Это

необходимо для понимания требований (их объема и характера) византийцев XIII — первой половины XV в. к написанию писем, что поможет раскрыть причины появления или исчезновения отдельных эпистолярных формул.

Для написания писем в поздневизантийское время использовали как бумагу, так и пергамен. Бумага продавалась в форме тетрадок, пергамен — кусками. Антон Барбери заплатил в Созополе 2 солида и 6 серебряных дукатов монетой Месемврии за 7 тетрадок бумаги для писем³. В Месемврии 31 декабря 1366 г. за четыре куска пергамена для писем было уплачено Антоном Барбери 14 серебряных дукатов монетой Месемврии⁴. Авторство писем принадлежало, как правило, отправителям. Однако отметим некоторые исключения. Для написания писем на греческом языке привлекались за границей случайные лица греческого происхождения. 11 ноября 1366 г. такому греку за два написанных им письма было уплачено 0,5 флорина хорошего веса⁵. На письмо к императору, посланное из Авиньона Симоном Атуманом, епископом из Кассано, отвечает не Иоанн V Палеолог, а Димитрий Кидонис (во второй части своего письма⁶), который читал письмо вместо императора. В поздней Византии существовала особая группа наемных работников — переписчики, работающие по найму (*graphontes misthou*)⁷, однако качество их работы было невысоким⁸. В поздней Византии существовало несколько особых почтовых чиновников. Паракимомен печати исполнял должность печатника, запечатывая письма императора воском⁹. В свите императора числился архонт почты¹⁰. В табели о рангах Мануила Филадельфа¹¹ встречается *ho epi ton deeseon*, принимавший прошения, которые подавались императору во время его выездов. В византийских учреждениях существовала должность хранителя бумаг (*chartophylax*).

В качестве письменосцев (ввиду отсутствия регулярного почтового сообщения) выступают разные, чаще всего случайные лица, исполняющие лишь разовое поручение отправителя. В подобной роли зафиксирован переводчик Иоанн из Константинополя, за доставку письма из Месемврии в крепость Аквила (близ современного Айтоса) получивший 24 декабря 1366 г. один флорин хорошего веса¹². Димитрий Кидонис послал Иоанну Ласкарису Калоферу письмо в Иерусалим с паломниками¹³. Могли использоваться для этих целей и торговые люди¹⁴. Письмо (потерянное) Иоанна V Палеолога, написанное летом 1364 г., доставил папе Урбану V Михаил Маласпина из Генуи, о чем известно из папского ответного письма от 16 октября 1364 г.¹⁵ За доставку писем императора Иоанна V Палеолога к царю Ивану — Александру одному греку (имя не указано) заплачено 17 февраля 1367 г. 8 флоринов хорошего веса¹⁶. В роли письменосцев могли выступать лица, находящиеся на службе у императора¹⁷, путешественники¹⁸, родственники авторов писем¹⁹. Встречались среди людей, которым доверили вручить письмо, и неблагонадежные лица²⁰. Иногда возможность написать зависела от случая найти посыльного²¹.

В доставке писем участвовали и послы. 30 июля 1444 г. Иоанн VIII Палеолог из Мистры направил через посла письмо венгерскому королю

Владиславу I²². Эпистолярная связь в военных и внешнеполитических целях осуществлялась через скороходов (*tachydromoi aggeloi*) или через специальных посланников (*apocresiaroi*). По содержанию эти послания подразделялись на письма: а) сообщающие о военных успехах, б) как результаты переговоров между византийской и другой стороной²³.

Сопровождающий письмо (*ho grammatocomistes*) вместе с посланием передавал устно такие сведения, которые опасались предать огласке в случае вскрытия письма посторонним²⁴. Обычай сопутствующих письму подарков всякого рода держался до конца существования Византийской империи²⁵. Одновременно с письмами присылали продовольствие²⁶, например пшеничный хлеб²⁷. В качестве подарка рассматривался кошелек, сопутствующий письму (*to ballantion*)²⁸. Византийцы знали и о том, что болгарская сторона в целях быстрого отзыва своего войска посылала полководцу в виде знака обоженное перо (*pteron puri perinephlegmenon*)²⁹.

Византийцы заботились о сохранении присланных писем, были хорошо осведомлены об этой практике в античное время и использовали этот опыт³⁰. Те из корреспондентов, которые не следовали этому правилу, вызывали нарекания отправителя, как показывает письмо Иосифа Вриенния к Иоанну³¹. Византийцы изготовляли копии писем³², составляли собрания собственных писем³³, в случае молчания адресата высылали копии (*ta antigrapha*) ранее написанных писем (*ton prin epestalmenon*)³⁴.

Полученное письмо зачитывали вслух в кругу друзей. Димитрий Кидонис пишет Феодору Палеологу в Пелопоннес в 1391 г. (осень или зима), что его письмо доставит Кидонису честь порадовать друзей³⁵. Не случайно получение письма понималось как возможность услышать голос адресата³⁶. Обычай публичного чтения писем с последующим критическим обсуждением сохранился и при Мануиле II Палеологе³⁷.

Рассмотрение организации эпистолярного общения в поздневизантийское время позволяет допустить и объяснить отсутствие в некоторых письмах внешнего адреса, *inscriptio* (определение лиц, которым адресуется письмо). Доставивший письмо мог в устной форме пояснить, от кого и кому направлено эпистолярное послание.

Содержание теории поздневизантийского эпистолярного стиля предстоит исследовать на основе отдельных положений и указаний, которые встречаются в переписке³⁸ и в главе XIV сочинения Иосифа Ракендита (1280 — ок. 1330) «Общий обзор ораторского искусства». Вместе с тем предпринимается попытка выяснить, сохраняла ли теория эпистолярного стиля античности, с одной стороны, и средневековья с другой, гомогенный характер, как это утверждается в историографии⁴⁰. Сравнение проводится только на основе переписки на греческом языке (исключая латынь).

Прежде всего возникает вопрос о трактовке сущности письма византийцами XIII—XV вв. Под этим разумеется определение признаков письма и тех задач, которые оно должно было выполнить. Написание писем рассматривалось византийцами как «великое искусство» (*he megale techne*)⁴¹. Поэтому адресат пользовался случаем похвалить

автора письма за хороший стиль, как это делают Иосиф Вриенний⁴², Михаил Гавра⁴³ и др. Не случайно письмо считалось ценнее всех благодеяний⁴⁴, лучшим лекарством⁴⁵. Искусство и силу речи Димитрий Кидонис относил к тому, что делает человека совершенным⁴⁶. При таком подходе к письму становится понятным, почему препятствия к переписке рассматривались как несчастье⁴⁷. Подчеркивалась необходимость сохранять в тайне содержание письма⁴⁸.

Рассмотрим дефиницию письма со стороны теоретиков эпистолярного искусства, которое М. Трой иронически определял как «*die Kunst, schöne Worte über nichts zu machen*»⁴⁹ («искусство говорить красивыми словами ни о чем»). В главе XIV («О письмах») своего труда «Общий обзор ораторского искусства» Иосиф Ракендит записывает, что (1) письмо — «это сообщение» (*apaggelia*) и одновременно (2) «беседа друга с другом» (*homilia philon pros philon*)⁵⁰. Приступая к письмам, говорит Димитрий Кидонис, я медлю и отступаю, так как мне предстоит писать словно же слушать⁵¹. Письмо служило средством изобразить беседу (*ten homilian*)⁵². Об обычае византийцев читать вслух (и письма, и книги⁵⁴) знали в палеологовское время. Иосиф Вриенний пишет Иоанну, что древние зачитывали письма вслух в кругу друзей и в более людных местах⁵⁵, укоряя его тем самым в внебрежном отношении к письмам. Получение письма расценивалось как возможность услышать голос отправителя⁵⁶. Из представления византийцев о том, что автор «говорит»⁵⁷, а адресат «слушает»⁵⁸, можно заключить о том, что они понимали под «беседой друга с другом». Пишущий письмо выступал как «оратор», для адресата применялось обозначение «слушатель»⁵⁹. Далее, (3) письмо считалось признаком дружеского отношения. Димитрий Кидонис так отвечает другу, который ему не пишет: «Ныне же замолчав, вытаскил обвинение против себя самого, и только то, что считая письма признаком дружеского отношения (*tou philein gnorisma*), ныне замолчал после столько написанного собственным пером, чем, разумеется, уличен»⁶⁰. «Но мы не пошлем в воздаяние стрелы, которые раньше мы получили, и не согласимся ненавидеть друзей, если что-то выпавшее на долю удержало руку, но и молчащих о дружеском отношении (*siopontas philein*) мы расспрашиваем с душевным предрасположением»⁶¹. Наконец, (4) идея парусии (присутствия) близка поздневизантийским авторам писем. Письмо трактовалось как замена совместного пребывания⁶². Иосиф Вриенний часто высказывается в стереотипной формуле, что он рисует себе адресата перед глазами⁶³. Об иллюзии присутствия пишет и Димитрий Кидонис⁶⁴.

Рассмотрим теперь для сравнения определение письма согласно эпистолярной теории античности (на основе письмовников и писем на греческом языке). (1) Письмо является кратким свидетельством дружбы (*philophronesis gar tis bouletai einai he epistole syntomos*)⁶⁵, как повествуется в трактате «О слоге», ошибочно приписываемом Деметрию Фалерскому (сочинение датируется в историографии двояко: II половина III в. до н. э.; I в. до н. э.— I в.). Таково основное определение письма. Филофронесис (*philophronesis*, т. е. дружелюбие), согласно античной теории письма, составляет основу письма, которое является

носителем *philia*⁶⁶. (2) По мнению грамматика Артемона⁶⁷, письмо является как бы одной стороной диалога (*hoion to heteron meros tou dialogou*)⁶⁸, диалогом без собеседника. В византийское время наряду с термином *dialogos* в применении к письму употребляется другое слово — *homilia* (беседа, собеседование, общение). В сочинении Прокла или Либания «О стиле писем» (дата составления — IV в., начало византийского времени) письмо обозначается как *homilia tis eggrammatos* (записанная беседа)⁶⁹. (3) Письмо призвано смягчить пространственное разъединение. В «Типах писем», также ошибочно приписываемых Деметрию Фалерскому (дата составления — II в. до н. э. — I в.), образец дружеского письма начинается словами: «Хотя и разделяет меня с тобой обширное пространство, я ощущаю это только телом» (*ei cai poly sou diastema tugchano kechorismenos, to somati monon pascho touto*)⁷⁰. В сочинении «О стиле писем» Прокла или Либания считается правилом, чтобы автор письма обращался к адресату «как присутствующий к присутствующему» (*hosper paron tis pros paronta*). Отправитель письма с помощью этого средства общения призван создать иллюзию присутствия (*skiagraphesai ten parousian*), полагает Григорий Назианзин Богослов (ок. 328 — ок. 389) в письме к Никобулу. Подобные суждения встречаем в письмах Василия Великого, Иоанна Хрисостома, Синесия Киренского. Филофронесис, хомилия и парусия составляют характерные признаки греческого письма античности, однако определяющим является все же филофронесис⁷¹.

Сравнительный анализ дефиниций письма в античной греческой и поздневизантийской теориях эпистолярного стиля позволяет заключить о существенных изменениях в этом плане. Основную черту письма в античное время составлял филофронесис. В поздневизантийское время письмо рассматривалось прежде всего как сообщение. Новое определение письма получило дальнейшее развитие в новогреческой теории эпистолярного стиля⁷². Генетическая связь поздневизантийской эпистолярной теории с античной подтверждается в сохранении при определении письма таких его признаков, как хомилия и парусия. Роль же филофронесиса резко изменилась. Из определяющего признака письма он становится второстепенным.

Помимо раскрытия основной роли письма, которую оно призвано сыграть, эпистолярная теория предъявляла ряд определенных требований к оформлению письма.

Согласно теории эпистолярного стиля античности, письму должны быть свойственны:

1) выражение и проявление нравственных качеств, личного характера автора письма (*ethicon, ethos, pteron*) и его настроения (*pathos*). Письмо должно было явиться полным выражением нравственного облика пишущего человека⁷³, при этом стремиться к риторическому воспроизведению характера, этопее (*ethopoia*) с помощью тех средств выражения, которые соответствуют характеру автора письма;

2) краткость, сжатость (*syntomia*)⁷⁴ слога, стиля;

3) ясность (*sapheneia*), которая проявляется в доступности, общепонятности, убедительности. Григорий Назианзин обосновывал необхо-

мость краткости и ясности следующим образом (в письме к Никобулу): «Из пишущих письма, поскольку об этом ты просишь, одни пишут более длинные, чем следует, другие же чрезвычайно краткие, и те и другие глубоко ошибаются в норме, как стреляющие по целям из луков, как бы ни посылали в центр, все равно перебрасывают: ибо ошибаются одинаково, если даже сделают как раз наоборот. Объем же писем вызывает необходимость, и не должны быть написаны длинными те, где речь идет не о многих событиях, скупыми те, где о многих. В самом деле, что за необходимость измерять мастерство персидским сшеном или детскими локтями и таким образом бесцельно писать, словно и вообще не писать, разве изображаются полдни в тених или идущие лицом навстречу в чертах, размеры которых сжимаются или обнаруживаются больше, чем представляются в пределах опознаваемости, что я, кстати, назову образами образов, неспособностью обоих избегать во имя успеха несоразмерности нормы? О краткости как раз по этому я сужу; что же касается ясности, известно то, что следует, избегая прозы, насколько это допустимо, больше склоняться к говорливости, и, о чем я скажу кратко, то из писем является наилучшим и прекраснейшим, которое убеждает простолюдина, и образованного человека, с одной стороны, словно существуя для многих, с другой — над многими и являясь в таком случае доступным»⁷⁵;

4) стиль письма должен приближаться к разговорной речи. В то же время стиль письма — не вульгарный, лучшее здесь — это середина между *logoeides* и *lalicon*. Тон письма — эмоциональный, фамильярный. Бесхитростное многословие (*lalein*) способствует проявлению дружбы⁷⁶;

5) письмо требует более тщательной обработки, что отличает письмо от устной беседы⁷⁷. Элегантность, изящество, *elegantia*, *charis* присущи письму⁷⁸. Умеренность в стиле, использование оживляющих текст средств выразительности, остроумие украсят письмо⁷⁹;

6) письмо имеет свой предмет речи⁸⁰. Писать нужно лишь о том, что подходит для письма (*epistolica pragmata*). Подобное требование — «неприкрытая шпилька против Эпикура», по словам И. Сикутриса⁸¹;

7) в ряде эпистолярных руководств подчеркивался критерий соразмерности письма⁸². Содержание письма определяет его размер. Нужно было учитывать и то, кому пишется письмо⁸³.

Каким же требованиям должно было отвечать поздневизантийское письмо с точки зрения стиля и размера?

1. В противовес античному греческому письму, в поздневизантийское время письмо должно было особенно учитывать характер, настроенность, состояние (*diathesis*) адресата⁸⁴. В этом смысле разъясняются следующие слова Димитрия Кидониса: «Меня заставляют писать и сообщать⁸⁵ могущественной и священной царственности твоей необходимость, в равной же степени и благосклонная любовь, вследствие которой из всех в этой жизни существующих я бы смело говорил, что я высоко ценю тебя. Приступая к письмам, я медлю и отступаю, обдумывая, так как мне предстоит писать, словно же слушать»⁸⁶. Важно было учитывать то, как адресат воспримет написанное, и поэтому подготовка письма требовала дополнительных усилий и необходимости от

пишущего сопереживать предварительно, до отправки письма момент его чтения вслух согласно обычаю. Отсутствие для письма материала, который был бы приятен адресату, служило поэтому объяснением молчания⁸⁷.

2. Краткость слога (см. далее п. 3).

3. Ясность. Стилистическое очарование письма наибольшее, когда краткость выражения не вредит ясности смысла, но господствует, как в музыке, единая гармония обеих⁸⁸.

4. В письмах, по словам Иосифа Ракендита⁸⁹, нужно стремиться к рассказыванию. Вместе с тем любопытно, что параллельно с этим взглядом в поздневизантийское время развивалась новая тенденция — составлять письма вычурным тяжеловесным стилем, по образцу речей. Только за неимением достаточного времени Григорий Кипрский пишет письмо в разговорном тоне⁹⁰. Феодор Гиртакин надменно отклоняет письмо корреспондента за разговорный стиль⁹¹.

5. Изящество (*charis*)⁹², очарование красноречия (*he para tes glottes charis*)⁹³ — неотъемлемая черта писем, в том числе и коротких⁹⁴. Уместно использовать апофтегмы, пословицы, что-либо сказочное, стихотворные перифразы, но все в меру, слог без излишка фигур⁹⁵.

6. В отношении соразмерности письма поздневизантийские авторы не были едины. Тенденция к удлинению писем явственно фиксируется в XIV в. Подобное не свойственно античной теории письма. В среднем каждое из 462 опубликованных писем Михаила Гавры состоит из 45 строк, самое длинное из 307, самое короткое из 5 строк⁹⁶. Никифор Григора пишет Иоанну Кантакузину, что он был разочарован полученным письмом, ибо оно было коротким⁹⁷. В этом же письме (1330—1340) Григора извиняется перед Кантакузином, что не пишет ему более пространно. Димитрий Кидонис в письме к другу (1362—1363?) советует воздержаться от размеров лакедемонских писем⁹⁸. В другом письме Кидонис обосновывает подобную необходимость следующим образом: «Я убеждаюсь, что письма малых размеров — дело твоей руки и мысли. Что же касается такого именно человека, решившегося нам писать, то он терзает письма, чтобы выразить величие замысла, хотя великое искусство не втиснуть в рамки коротких писем... Все же мы желаем и более длинных... Ведь ни одно из твоих писем для нас не является большим»⁹⁹. Следовательно, наибольшие возможности для составления образцовых писем дают, по словам Кидониса, более длинные письма, которым присущ *epistolimaios character*¹⁰⁰, тогда как более коротким свойствен *pittakikos character*. Из 25 писем Иосифа Вриенния к первым относятся 16, ко вторым — 10¹⁰¹. Несколько позднее наблюдается тенденция к умеренности рамок письма. В письме к Мануилу Хрисолоре от июня-декабря 1400 г. Мануил II Палеолог, говоря о своих впечатлениях во Франции, сетует на невозможность сообщить в письме то, что нужно было передать в устной беседе, — настолько это превосходит рамки письма¹⁰². Иоанн Хортасмен даже обвиняет себя ввиду одного слишком длинного письма¹⁰³. В среднем каждое из 56 писем Иоанна Хортасмена (ок. 1370 — ок. 1436/37) состоит из 30 строчек; самое длинное из 107 строк (ер. 22), самое короткое из 5 строк (ер. 46).

В сравнении со средней величиной рамок писем Михаила Гавры (ок. 1290 — после 1350), созданных с 1308 по осень 1327 г.¹⁰⁴, каждое письмо Иоанна Хортасмена в среднем короче на 15 строк.

Сравнение конкретных требований к греческому письму в античное и поздневизантийское время позволяет, во-первых, говорить о существенной модификации этих требований в Византии XIII—XV вв. Изменилась специфика письма — оно должно было отвечать диафесису адресата, а не автора. Разговорный стиль письма не является общепринятой нормой, и некоторые эпистолографы резко выступали против него. Критерий соразмерности эпистолы содержанию забыт в XIV в., когда выдвигается обоснование перехода к более длинным письмам (вне зависимости от содержания, что было недопустимо в античности). Наконец, совершенно потеряло всякую актуальность и не подчеркивается в источниках поздневизантийской теории письма такое конкретное требование к нему, как свойственный лишь эпистоле предмет речи. Во-вторых, в поздневизантийской эпистолярной теории сохраняются такие конкретные требования к письму, как краткость слога, ясность, изящество стиля (поздевизантийские теоретики эпистолярного стиля рассматривали краткость и ясность слога в единстве, единой гармонии).

В целом поздневизантийскую эпистолярную теорию можно охарактеризовать как новый, отличный от античности этап в эволюции теории письма, сохранивший преемственность отдельных второстепенных компонентов этой теории.

Как видно из дефиниции письма, предложенной поздневизантийскими теоретиками эпистолярного стиля, оно должно было убедить адресата, что представляет собой сообщение, беседу друг с другом, что его (письмо) следует рассматривать как знак дружеского отношения, как замену совместного пребывания. Вместе с тем можно предположить возможную реакцию адресата (в обратном письме) в отношении качества стиля, размеров слога и величины письма в соответствии с конкретными требованиями, предъявляемыми в то время к письмам. Но если только что названные, а также другие мотивы, которые предстоит изучить на основе писем, типичны для переписки, то мы имеем не что иное, как разновидности эпистолярных формул. Изучение теории эпистолярного стиля поздневизантийского времени тем самым может натолкнуть на вычленение в переписке типичных эпистолярных формул. Учет изменяющейся в зависимости от времени средней величины письма наталкивает на мысль о возможных в соответствующее время афезе или перинтеграции формул письма (или изменении числа вариантов при сохранении основы формулы). Однако обоснованные ответы на поставленные вопросы могут быть даны лишь при конкретном изучении архитектоники византийских писем XIII—XV вв.

Начнем с того, что византийцы XIII—XV вв. осознавали, что письмо должно иметь *to eicos schema* (подобное построение). Георгий (?) Инэот в письме к Мефодию Сиропулу отмечает: «И ты видишь, как сбивчиво письмо и что оно не соблюдает подобного построения»¹⁰⁵. Структура греческого письма была иной по сравнению с композицией западноевропейского латинского письма.

Dictatores средневековья в соответствии с теорией *ars dictaminis*, *ars dictandi* разработали пять частей западноевропейского латинского письма: *salutatio* (приветствие), *exordium* (или *captatio benevolentiae*, *proverbium*, *arenga*, *prohemium*, т. е. преамбула), *narratio* (изложение обстоятельств дела), *petitio* (просьба) и *conclusio* (заключение). Концепцию архитектоники средневекового письма изучает первая книга труда Альберико Монтекассино (умер в 1088 г.) «*Rationes dictandi*». В полных средневековых письмовниках, состоявших из четырех частей, составные части письма рассматривались в первой главе второй части ¹⁰⁶. При этом применялись ли все составные части письма «во всяком сочинении или нет, это дело конкретного случая», однако в письме должны были иметь место *салютацио* и *наррацио* или *салютацио* и *петицио* ¹⁰⁷.

Поздневизантийское письмо расчленялось на четыре части, а именно: *inscriptio*, *praescriptio*, *семантему* и *clausula*. Последние три являлись главными частями, *семантема* же, в свою очередь, выделялась особо, представляя собой основу письма.

Приступая к характеристике отдельных формул, рассмотрим прежде всего *inscriptio* (определение лиц, которым адресуется письмо, или внешний адрес). Можно выделить пять типов этой формулы, которые сменяют последовательно друг друга, иногда, правда, сосуществуя:

а) *tou deinos pros ton deina* ¹⁰⁸ (или *pros ton deina* ¹⁰⁹), первая треть XIII в.;

б) *tou deinos to deini* ¹¹⁰, первая половина XIV в.;

в) *tou deinos eis ton deina* ¹¹¹ (и наоборот ¹¹²), первые две трети XIV в. Любопытно, что письма того же времени из-за границы (на греческом языке) содержат аналогичную формулу ¹¹³;

г) *to deini* ¹¹⁴ (с добавлением слова *куг* в дательном падеже ¹¹⁵ или соответствующих звания или должности ¹¹⁶), последняя треть XIII — первая треть XV в.;

д) *ho deina to deini* ¹¹⁷, вторая и третья четверти XV в. *Inscriptio* писем того же времени из-за границы (на греческом языке) информно ¹¹⁸.

В *praescriptio* (в переводе «заголовок») первого типа имя составителя (в именительном падеже) ставилось ранее имени адресата (в дательном падеже). Формула завершалась словами *chairein*, *eu prattein* (*scilicet legei* или *legousin*): *ho deina to deini chairein* ¹¹⁹ (*praescriptio* писем на греческом языке из-за границы тождественно ¹²⁰), в XIII в. — с добавлением должности к имени составителя ¹²¹; *ho deina to deini eu prattein* ¹²².

В *praescriptio* второго типа имя адресата ставилось ранее имени составителя: *to deini (tois deisi) ho deina chairein* ¹²³ (*eu prattein* ¹²⁴).

Третий тип *praescriptio* имеет более свободную формулировку со стержневым словом *chairein* (например, *dio chairein soi mala prosekei cai pollas homologein tas charitas to theo* ¹²⁵).

Рассмотрим композицию *семантемы*. Начальных эпистолярных формул *семантемы* было несколько: формула констатации получения письма, *thaumazo*-формула и *kentron*-формула, второй тип формулы *salutatio*, формула мотивировки собственного письма. Первые две встречаются исключительно в начале *семантемы*, *kentron*-формула, как правило,

также начинает семантему, однако, как исключение, фиксируется в середине письма.

Формула констатации получения письма либо может иметь собственную основу со свойственными ей стержневыми словами (То epistolaiou sou pros hemas elthon grammata...¹²⁶; grammata tes philes moi cheiros edexamen¹²⁷), либо является вторым компонентом формулы высказывания по поводу получения письма, занимая в этом случае, строго говоря, второе место в семантеме (anticharizomai soi logon antistes ses pros eme epistoles¹²⁸).

Thaumazo-формула имеет в качестве стержневых слов такие как epainon, thaumazon. Например, ego panta ta sa cai epainon aei cai thaumazon¹²⁹ (всегда прославляя и восхищаясь всеми твоими делами...), epainon se ton grammaton¹³⁰ (восхваляя тебя по поводу писем...).

Сущностью kentron-формулы является определение со стороны составителя стимула для написания письма: 1) hemin d'ou monon he philia cai he meth' hes panta catorthoio arete, cai to kerdos nomizein andros tosoutou cai memnesthai cai graphein, alla proseti cai to met' apragmosynes exeinai bioun nyn molis dynethenai labesthai, hapanta tauta kentron ginetai pros to tois grammasi ten homilian sophizesthai, heos an hemin to theos cai ten synousian charisetai, he de pro pollon hemin en euchaio¹³¹, 2) Eme cai to chreos anagcazei graphein cai anapherein te crataia cai hagia basileia sou, homoios de cai he met' eunoias agape, di' hen panton ton en to bio touto tharrountos eipoimi an se protiman¹³², 3) Edei se keleuonta soi graphein русна...¹³³. В качестве стимула выдвигаются дружба, аρετι, польза почитать адресата, имеющаяся возможность общаться через письма, необходимость, благосклонная любовь к адресату, просьбы адресата чаще писать ему.

Стержневые слова хомилии-формулы — he homilia, he synomilesis: 1) hapanta tauta kentron ginetai pros to tois grammasi ten homilian sophizesthai¹³⁴, 2) anticharesomai de cago, hoti theasomai ton emon. o terpseos, o glykytates synomileseos, o philicon logon¹³⁵.

В самом названии psephos-формулы указано ее стержневое слово: 1) He peri tes epistoles psephos eu te...¹³⁶, 2) hapax ge para tes ses basileias psephon tauteni dexamenos, melein moi tes aletheias en tois pros se logois¹³⁷. Формула содержала либо похвалу письма¹³⁸, либо критику¹³⁹.

Формула парусии представляет бирему, в которой после сообщения о получении письма автор излагает свое ощущение растущей близости адресата: Dia chronou grammata tes philes moi cheiros edexamen... edoxa gar anticrys se meta macran cai poikilen planen apolabein¹⁴⁰. Иллюзия присутствия корреспондента выражается в том, что письмо создало возможность как бы принять адресата у себя после долгих и бесконечных скитаний, нарисовать его себе перед глазами (pro ton ophthalmon)¹⁴¹.

Подчеркивание дружеских чувств к адресату (филофронетическая формула) пронизывает поздневизантийские письма. В некоторых из них содержится до восьми филофронетических ситуативных высказываний¹⁴². Отметим три важнейших мотива филофронесиса: а) письма представляются самой большой наградой дружбы (emoi gar amoibe

megiste dokei philias einai ta grammata)¹⁴³; б) вследствие разъединения дружеская привязанность и расположение не только не ослабевают под ударами времени, но еще более возрастают¹⁴⁴; в) молчание не должно расцениваться как признак недостаточности дружбы, забывчивости или равнодушия¹⁴⁵. Односторонние филофронетические обращения к адресату в XIII в.¹⁴⁶ сменяются в XIV в. бинарной формулой, в двух частях которой адресат, с одной стороны, и отправитель — с другой, именуется друзьями (philounta philon)¹⁴⁷.

Формула высказывания по поводу получения письма может нести тройную семантическую нагрузку, выражая а) благодарность за письмо (anticharizomai — стержневое слово)¹⁴⁸, б) радость (he terpsis¹⁴⁹, euphraino¹⁵⁰, hedo¹⁵¹), которая сравнивается с самым большим счастливым случаем среди многих, которые выпадали на долю, или с приобретением вновь родины и друзей после почти бесконечного ожидания, в) подтверждение, что отправитель пребывает в полном благополучии¹⁵², что он беспокоится об адресате¹⁵³ и не отступает от старой дружбы¹⁵⁴.

Формула потребности в письменной связи может выражаться в нескольких мотивах: 1) упреки адресату из-за молчания (sy d'arkein hegeseo sign¹⁵⁵), при этом оговаривается характер наказаний, которые ждут адресата — от воспоминания о нечестивых поступках (отказе отвечать) в силу неизбежности¹⁵⁶ до кульминационной кары, когда молчание уже расценивалось бы как злой умысел и ничто уже не оправдало бы адресата¹⁵⁷; 2) упреки адресату из-за непонимания состояния получателя (memphomai to tas emas se dokein agnoein symphoras¹⁵⁸); 3) жалобы на беззаботность, неаккуратность корреспондента, хотя ему отправлено уже несколько писем¹⁵⁹; 4) констатация, что адресат письмо ждал, но оно не пришло¹⁶⁰; 5) сообщение о невозможности в более раннее время отправить письмо из-за а) отсутствия необходимого материала, приятного для адресата¹⁶¹; б) неизвестного местонахождения адресата¹⁶²; 6) сомнения в невозможности отправки письма со стороны корреспондента с указанием реального выхода из создавшейся ситуации¹⁶³; 7) перечисление лиц, с которыми отправлено письмо¹⁶⁴.

В качестве *terminus technicus* для выражения *mnepe*-мотива служили слова *mnepe einai*, *mimnesco*. Формула могла выразить а) заверение во взаимной памяти¹⁶⁵, б) просьбу помнить отправителя письма¹⁶⁶ и в) как неизбежное *memnesthai* со стороны адресата¹⁶⁷. Со второй четверти XIV в. до второй четверти XV в., если судить по датированным письмам, использованным нами, *mnepe*-мотив дважды видоизменялся.

В поздневизантийское время можно отметить три типа формулы приветствия (*salutatio*).

1. Приветствие адресату (*ex hou proseipontes...*¹⁶⁸).

2. Приветствие друзьям, среди которых особо выделяется кто-либо. Поэтому вторая часть бинарной формулы начиналась с обязательных слов *malista de, pro (men) panton, proegoumenos, pro ton holon ton deina* (например, *ei dokei, tous aristous cai hois autos philois chre hoti cai par' hemon philountai cai thaumazontai peisas. malista de ton genaion Agapeton*¹⁶⁹).

3. Адресат исключен из числа лиц, которым направлялось приветствие не только второго, но и третьего типа: *aspazomai* (*episcopoumai*, *prosgoreuo*) *ton deina* (*tous deinas*) *cai ton deina* (*tous deinas*) (например, *all' egoge tous archaious aspazomai*, *tous te grammaticous cai philosophous cai retoras cai tous eph'istorias thaumazomenous*¹⁷⁰). Стереотип встречается в начале письма, за прескриптом.

Приветствие могло выражаться и посредством применения формулы *praescriptio*, рассмотренной выше.

Обычно считают, что *formula valetudinis* исчезает с IV в. По Х. Коскенниemi, «формула здоровья» отсутствует и в византийских письмах VI в. (а также большей частью и прескрипт)¹⁷¹. Однако Г. Карлссон доказал, что *formula valetudinis* встречается в византийских письмах X в.¹⁷² Ф. Кукулес констатирует наличие «формулы здоровья» в письмах Евстафия Фессалоникийского (ок. 1115—1195)¹⁷³. В XIII в. эта формула занимает в письме последнее место¹⁷⁴, пропуская вперед даже заключительную клаузулу¹⁷⁵. В XIV в. *formula valetudinis* размещается в последней части письма (перед формулой просьбы о письме)¹⁷⁶, как исключение — в самом конце письма¹⁷⁷. С последней трети XIV в. происходит сокращение формулы до единственного слова *hygiaine*, которое заключает письмо¹⁷⁸. Стержневые слова «формулы здоровья» в поздне-византийское время — *hygiaine*, *he hygeia*, *hygiaion*.

Общий вид формулы просьбы о письме — *graphe* (*de cai sy*) *hemin*¹⁷⁹. *Graphe* означает «пиши» (вообще). *Graphon* (напиши) употребляется чрезвычайно редко. Зафиксированный стереотип имеет добавления: а) *hosakis an egchore*¹⁸⁰, б) *peri panton hemin hetoimos*, *hon a bouloio*¹¹⁸, в) *tes aei parapiptouses prophaseos lambanomenos*¹⁸², г) *me osnei* (или *exes me catosnei ruspnoteron*)¹⁸³. В общей бинарной формуле просьбы о письме подчеркивается собственная мобильность отправителя в переписке (*graphonti graphon* или *graphousi graphon*)¹⁸⁴. Эта формула занимает предпоследнее место в письме (перед филофронетической биремой).

Вместе с тем следует вычленить три разновидности формулы просьбы о письме вследствие перинтеграции.

1. Формула просьбы сообщить о самочувствии адресата — *graphein peri tes ses hygeias*¹⁸⁵.

2. Формула просьбы сообщить о событиях и фактах — *graphein de cai peri ton onton pragmaton* (*peri ton ekei paradoxon*)¹⁸⁶.

3. Формула просьбы сообщить подробнее об адресате — *graphe de cai hemin*, *tous comiountas*, *ha peri ton son hemas oistha boulomenous eidenai*¹⁸⁷.

Другую группу разновидностей формулы просьбы о письме составляют формулы мотивировки желаний, высказанных в письме (или формулы мотивировки просьбы о письме).

1. Пишущий указывает на печаль, заботу, страх, от которых надеется избавиться благодаря полученному письму (*tes gar apo tou me syneinai soi lypes ouc oligon tes ses glottes acoountes aphairesomen*)¹⁸⁸.

2. Письмо рассматривается как повод к радости, удовольствию¹⁸⁹. Причина радости иногда разъясняется подробно (молитвы об адресате

услышаны, и адресат помнит отправителя письма)¹⁹⁰. Не случайно поэтому мотивировка просьбы о письме обосновывается в таких синонимических выражениях, как *chairois moi*¹⁹¹, *ei malista bouloio emoi charizesthai*¹⁹², *terpe de cai apon tous philountas tois grammasin*¹⁹³.

3. Мотивировка носит глубоко личный характер (письмо — причина поверить в скорое исполнение заветного желания¹⁹⁴, письмо ценнее всех благодеяний, которые мог бы сделать отправитель для адресата¹⁹⁵).

Формула мотивировки собственного письма фиксируется в письмах 80-х годов XIV в.: *Houto moi to soi graphein hedy, cai ouch hedy monon all' ede cai perispoudaston*¹⁹⁶. Укажем еще мотив: *homos hemeis men euxometha cai ta meizo* (т. е. писем)¹⁹⁷.

Основной стереотип заключительной клаузулы — *egrosso* — размещается либо в самом конце письма (с XIV в.)¹⁹⁸, либо перед *formula valetudinis* (XIII в.)¹⁹⁹. С середины XIV в. в результате перинтеграции формулы после *egrosso* появляются вежливые и льстивые выражения как в подлинных письмах²⁰⁰, так и в фиктивных²⁰¹. Особую подгруппу составляет формула типа *He se d'errosthō moi synesis*²⁰².

Другой тип клаузулы представляет формула *he d'euche (hai euchai) tes Hagiosynes sou dia pantos (ep' apeiron, eis apeiron, apeirakis, pantote) charistheie moi (te basileia mou)*²⁰³. На месте стержневого слова *he euche* могут появляться *ho theos*, *he Autoaletheia* с соответствующими *charisaito*²⁰⁴ и *charisato*²⁰⁵. Отличительную подгруппу образует формула *en te euche de tes Hagiosynes sou dia pantos phylachtheiemen*²⁰⁶.

Третий тип рассматриваемой формулы запечатлевается в виде *eiē soi para Theou, basilei, biou to mecos*²⁰⁷.

Datum, т. е. указание места (*ex...*) и времени (*d.=dabam*) написания письма, не встречается в поздневизантийских письмах²⁰⁸ за исключением трех случаев: а) в письмах на греческом языке, адресованных византийцам и присланных из-за границы, фиксируется место отправления (*Athanasiou tou Lepentrenou, es Kyprou tes nesou, eis ton Gregogan*²⁰⁹); б) в вымышленных письмах на греческом языке, написанных в поздневизантийское время, *datum* фиксируется, хотя время составления указывается не всегда достаточно полно²¹⁰; в) в письмах на латинском языке, написанных иностранцами на территории Византии, *datum* заключает письмо²¹¹. Подписи в поздневизантийских письмах нет.

Итак, поздневизантийское письмо по архитектонике значительно отличалось от западноевропейского, расчленяясь на четыре части (*inscriptio, praescriptio, семантема* и *clausula*), из которых три последних являлись основными, семантема же, в свою очередь, представляла собой стержневую часть письма. Она подразделялась на 14 эпистолярных формул: формула констатации получения письма, *tautazo*-формула, *kentron*-формула, *pserphos*-формула, хомилия-формула, формула парусии, филофронетическая формула, формула высказывания по поводу получения письма, формула потребности в письменной связи, *tnpete*-мотив, формула приветствия, *formula valetudinis*, формула просьбы о письме, формула мотивировки собственного письма. Помимо формул, поздневизантийское письмо включало еще собственно сообщение — *araggelia*. Эта часть письма не имела каких-либо типичных стержневых слов и не была

конформна по семантическому смыслу. Она представляла собой связующее звено семантемы, составляя вместе с 14 эпистолярными формулами основу письма. Отличие поздневизантийского письма от акта можно проследить также на основе сравнительного анализа их архитектоники. В письме отсутствовали такие составные части акта, как *invocatio* — религиозное посвящение, *arenga* (*exordium*, *prologus*) — преамбула, *promulgatio* (*publicatio*, *praescriptio*)²¹², *notificatio* — форма публичного объявления, *dispositio* — распоряжение по существу дела, *sanctio* — запрещение нарушать распоряжение под угрозой божьей кары или денежного штрафа, *colloboratio* — удостоверение о скреплении документа подписью, печатью и т. д., *datum* (как правило), *apprecatio* — религиозная формула удовлетворения по поводу завершения сделки, удостоверительные знаки (*subscriptiones* — подписи и *sigilla* — печати). *Inscriptio* письма выполняло одновременно функции *intitulatio*²¹³ (имя и титул лица, от которого исходит документ) и *inscriptio* акта. Резко отличаются письма по архитектонике от всех типов поздневизантийских актов²¹⁴.

Поздневизантийское письмо имело особые закономерности построения. В отличие от западноевропейского латинского письма в нем отсутствовали такие компоненты, как *exordium* (*captatio benevolentiae*, *proverbium*, *arenga*, *prohemium*) *petitio*. *Apaggelia* не просто выполняла функцию изложения сообщения, но, в отличие от *narratio* западноевропейского письма, выступала связующим звеном семантемы. В отличие от *salutatio* латинского письма приветствие в поздневизантийской переписке имело более сложную структуру. Помимо собственно *salutatio* поздневизантийского письма эту функцию могло выполнять *praescriptio*. Эпистолярная формула могла иметь разновидности (пять типов *inscriptio*, три типа *praescriptio* и т. д.). Состав некоторых формул был сложным. Помимо зафиксированного стереотипа формула просьбы о письме имела четыре разновидности дополнений. Собственно стереотип формулы существовал в трех разновидностях вследствие перинтеграции. Особую разновидность формулы просьбы о письме составляла формула мотивировки просьбы о письме, которая подразделялась, в свою очередь, на три типа.

Не все формулы встречаются в каждом письме (нет ни одного письма, в котором бы можно было зафиксировать все формулы без исключения). В этом не было необходимости. Причины появления или исчезновения отдельных формул в конкретном письме зависели от того, какую из ряда формул, могущих выполнять тождественные функции, предпочитает автор (от этого, в свою очередь, зависела специфика эпистолярного стиля того или иного составителя писем). Так, например, наличие прескрипта избавляло от необходимости использовать *salutatio* и наоборот. Дело в том, что вторую часть прескрипта составлял особый тип *salutatio*. Первую же часть *praescriptio* образовывала *inscriptio*. Использование прескрипта служило причиной не употреблять *inscriptio*, и наоборот, применение *inscriptio* избавляло от необходимости применять формулу *praescriptio*.

Сказанное не означает, однако, что существовали письма вообще без формул. Могли отсутствовать *inscriptio*, *praescriptio*, *clausula*, не-

которые формулы семантемы даже в одном письме. Но все же и в подобных письмах встречается *araggelia* в совокупности с некоторыми эпистолярными формулами семантемы²¹⁵. На использование *inscriptio* влияла и организация эпистолярного общения в поздней Византии.

В зависимости от внутренней структуры эпистолярные формулы поздневизантийского письма подразделялись на три типа: 1) формулы, конформно повторяющиеся из письма в письмо по буквальному написанию (*inscriptio*, первый и второй типы *praescriptio*, основной стереотип заключительной клаузулы *salutatio*, основной стереотип просьбы о письме); 2) формулы, отличающиеся обязательным употреблением стержневых слов (формула констатации получения письма, *taumazo*-формула, *homilia*-формула, филофронетическая формула, *mneme*-мотив, *formula valetudinis*, три разновидности формулы просьбы о письме (вследствие перинтеграции); 3) формулы, которые фиксируются по их семантическому смыслу и употребление стержневых слов в которых не является обязательным (*kentron*-формула, *pserphos*-формула, формула парусии, формула высказывания по поводу получения письма, формула потребности в письменной связи, формула мотивировки просьбы о письме (имеется в виду разновидность формулы просьбы о письме), формула мотивировки собственного письма). Фиксированный порядок компонентов имеют только те эпистолярные формулы, которые как бы обрамляют «письменную беседу», т. е. начинают и заканчивают письмо. Однако достаточно специфичны не только наиболее яркие крайние случаи — формулы с твердым порядком компонентов.

Употребление не всех формул носило устойчивый характер. Спорадическое использование их зависело от времени и специфики авторского стиля. Однако применение отдельных формул являлось правилом. Так, эпистолярная формула *inscriptio*, по подсчету автора, фиксируется в подавляющей массе поздневизантийских писем, составляющих в среднем 75% от общего количества изданной переписки²¹⁶. Не ставя перед собой задачу подсчитать вероятность употребления всех эпистолярных формул, встречающихся в поздневизантийских письмах, автор хотел предостеречь от случайной фиксации некоторых формул со стороны исследователей и необоснованных выводов на базе этой фиксации.

Так, Т. В. Попова пишет о формуле *egrosso*: «Наличие ее нам удалось зафиксировать *только* (подчеркнуто мной.— В. С.) в письме Георгия Амируци... в письмах Константина Ласкариса»²¹⁷, всего в пяти письмах, относящихся к XV в. Из более раннего времени Т. В. Попова находит данную формулу лишь в письмах Феодора Продрома (XII в.). Подобная случайная фиксация вводит читателя в заблуждение. Дело в том, что формула существовала и в XIII в.²¹⁸, и в XIV столетии²¹⁹. В XV в. она встречается гораздо чаще²²⁰, нежели считает Т. В. Попова.

Продолжительность существования той или иной эпистолярной формулы была различной (некоторые фиксируются в рамках всего этапа, другие существуют в пределах четверти века или даже меньше). Архитектоника письма модифицировалась, безусловно, в зависимости от времени. Этот фактор имел среди прочих (авторский стиль, классифика-

ционная группа письма, место написания) наибольшую значимость. В то же время фактический материал не дает оснований утверждать, что структура некоторых эпистолярных формул поздневизантийского письма видоизменялась в зависимости от места написания эпистолярного произведения (*inscriptio, praescriptio*). Различное место написания писем не влияло и на местоположение формулы (*formula valetudinis*). О влиянии места написания на архитектуру можно говорить лишь в отношении формулы *datum* письма, которая применялась как исключение в поздневизантийских письмах. От специфики авторского стиля во многом зависел выбор применяемых в данное время близких или тождественных по функциям эпистолярных формул (например, *inscriptio, praescriptio, salutatio*).

Не все типы эпистолярной формулы занимали одинаковое место в письме (так, первый тип приветствия начинал письмо, второй тип занимал место после прескрипта, третий завершал письмо). Формулы, употреблявшиеся в определенной части семантемы, могли попеременно уступать друг другу место. В зависимости от времени были возможны перинтеграция или афе́за эпистолярных формул (так с последней трети XIV в. происходит сокращение «формулы здоровья» до единственного слова *hygiaine*). Существовали также краткие и распространенные разновидности эпистолярной формулы. Местоположение каждой формулы в письме было, как правило, вполне определенным, и всегда можно зафиксировать установившуюся последовательность их применения в эпистолярном произведении. При увеличении размеров писем в XIV в. явно проявилась тенденция к неоднократной интерпретации тех или иных мотивов эпистолярной формулы (в некоторых письмах содержится до восьми филофронетических ситуативных высказываний).

Учет особенностей архитектуры поздневизантийских писем позволяет произвести вычленение писем из общей массы источников, отделить собственно переписку от произведений «в форме писем», отличить подложные письма от подлинных, датировать письма в пределах четверти века или даже в более узких хронологических рамках.

Приведем несколько примеров конкретного учета особенностей архитектуры поздневизантийской переписки.

I. Отделение собственно переписки от произведений «в форме писем». В 1959 г. Р. Ленерц издал перевод некоторых глав «*Contra ergo Graecorum*» Фомы Аквинского, сделанный монахом Яковом и адресованный Андронику II Палеологу²²¹. Это произведение «в форме письма» издатель датирует 1318—1325 гг. и рассматривает его в качестве письма (*epistula*). Однако таковым считать данный труд нельзя прежде всего потому, что, несмотря на открывающую произведение формулу *praescriptio*, оно не содержит основной части, свойственной письму, — семантемы и может быть отнесено только к сочинениям «в форме писем».

II. Отделение подложных писем от подлинных. Основываясь на фактических данных произведения, издатели письма Андроника II Палеолога к Севастьяну Алексею К. Папамихалопулос и затем Д. Камбуроглу считали его подлинным. Позднее исследователи (Н. Веис,

С. П. Ламброс, К. Крумбахер, Ф. Дэльгер) рассматривали письмо в качестве подложного. Изучение архитектоники данного письма убеждает в правомерности позиции Н. Веиса и других ученых. Письмо содержит указание на время его составления (3 марта 1320), что совершенно противоречит традиции не фиксировать *datum* письма в поздневизантийский период.

III. Определение даты изданного, но не датированного письма. Издавая в 1956 г. письмо № 66 Димитрия Кидониса²²², Р. Ленерц отказался датировать это произведение, не указав года ни в заголовке публикации²²³, ни в «*Series epistularum chronologica*»²²⁴, заключительном разделе II тома. Трудность датировки заключалась в том, что письмо не содержит указаний на конкретные исторические события, каких-либо имен или географических названий. Ввиду отсутствия *inscriptio* и *praescriptio* невозможно установить, кому направлено письмо. Однако это произведение необходимо датировать, ибо оно содержит важную информацию по теории эпистолярного стиля. Для исследователей поздневизантийских писем представляют большой интерес сроки оформления и записи конкретных требований эпистолярной теории. Приводим текст письма и наш перевод.

(3) Ten oligoteta ton grammaton to tes ses einai tauta cheiros cai dianoiias (4) paramytheitai, andros de toioutou graphein axiountos hemin, edei cai tas epi — (5) stolas to megethos tes dianoiias mimeisthai, cai me microis grammasi megalen (6) technen egcleiein. ou gar depou psesei tis "rein ou schole tais pegais". homos (7) hemeis men euxometha cai ta meizo, charin de cai ton bracheon eisometha. ou — (8) den gar hemin ton son ho ti ou mega.

(3) Вот это (письмо.— В. С.) убеждает меня, что письма малых размеров — дело твоей руки и мысли. (4) Что же касается такого именно человека, решившегося нам писать, то он терзает (5) письма, чтобы выразить величие замысла, хотя великое искусство не втиснуть в рамки коротких писем. (6) Ведь не скажет, полагаю, кто-нибудь, что «беседа не струится ручьями». Все же (7) мы желаем и более длинных, хотя изящество коротких мы все же почувствуем. (8) Ведь ни одно из твоих (писем.— В. С.) для нас не является большим.

Проанализируем письмо с точки зрения его архитектоники. В качестве компонентов в нем отсутствуют *inscriptio*, *praescriptio*, *clausula*. Семантика содержит *araggelia*, которая сочетается с формулой констатации получения письма (в соответствии с практикой эпистолярных связей эта формула начинается письмо: *tauta*, *grammata*, письмо, при этом подразумевается пропущенное слово «полученное» в словосочетании «вот это»), формулой мотивировки собственного письма (*homos hemeis men euxometha cai ta meizo*, писем) и формулой потребности в письменной связи — упреки адресату из-за слишком коротких его писем (*ouden gar hemin ton son ho ti ou mega*). Ввиду того, что формула мотивировки собственного письма фиксируется в письмах 80-х гг. XIV в., следует считать написанным в это время и письмо № 66 Димитрия Кидониса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В. А. Сметанин. Эпистолография. Свердловск, 1970, 181 с. (см. рецензии и заметки об этой книге: С. Н. Лишев.— ИП, год. XXVI, 1970, кн. 6, с. 108—109; R. Browning.— BZ, Bd. 64, 1971, H. I, S. 148; A. Garzya.— Le parole e le idee., v. 13,

1971, p. 399—400; A. P. Kazdan.—BS, v. 32, 1971, fasc. 2, p. 370); Его же. Из истории эпистографии.—ВИ, 1971, № 1, с. 212—216; Его же. Эпистология поздней Византии. Свердловск, 1975, 394 с. (машинопись); Его же. Эпистология поздней Византии. Постановка проблемы и обзор историографии.—АДСВ, вып. 14. Свердловск, 1977.

² K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 482 (в отношении писем Михаила Гавры); F. Dölger. Rec.: J. Sykutris. Probleme...—BZ, Bd. 32, 1932, H. 2, S. 396 (общая оценка формы византийских писем).

³ F. Bollati. Illustrazione della Spedizione in Oriente di Amedeo; VI. Torino, 1900, p. 106, § 413. Cp.: Byzantinobulgarica, v. 4, 1973, p. 246, § 413.

⁴ F. Bollati. Illustrazione..., p. 105. § 409. Cp.: Byzantinobulgarica, v. 4, 1973, p. 245 § 409.

⁵ F. Bollati. Illustrazione..., p. 89, § 332. Cp.: Byzantinobulgarica, v. 4, 1973, p. 239, § 332.

⁶ R.-J. Loenertz. Démétrius Cydonès, Correspondance, v. 1—2. Vatic., 1956—1960 (Studi e Testi 186, 208) (Далее — Cydon.), hic v. 1, ep. 93. 30—102.

⁷ G. Fatouros. Die Briefe des Michael Gabras (ca. 1290 — nach 1350), I. Teil: Einleitung, Adressaten, Regesten, Register; II. Teil: Text. Wien, 1973 (Wiener byzantinistische Studien, herausgegeben von H. Hunger. Bd. X/1—2) (Далее — Gabras), hic ep. 290, 11.

⁸ Gabras, ep. 290. 11 hex., 441. 6 hex.

⁹ Georgii Codini Curopalatae De officialibus Palatii Constantinopolitani et de officiis Magnae ecclesiae liber. Bonnae, 1839 (CSHB, v. 35) (Далее — Pseudo-Codinus), p. 49 sq.

¹⁰ Pseudo-Codinus, p. 200.

¹¹ Ibid., p. 215—219.

¹² F. Bollati. Illustrazione..., p. 99, § 386. Cp.: Byzantinobulgarica, v. 4, 1973, p. 243, § 386.

¹³ Cydon., v. 2, ep. 359. 7—8.

¹⁴ Ibid., ep. 359. 16—17.

¹⁵ A. K. Eszser. Das abenteuerliche Leben des Johannes Lascaris Kalopheros. Forschungen zur Geschichte der ost-westlichen Beziehungen im 14. Jahrhundert. Wiesbaden, 1969, S. 208 und S. 212, Anm. 520.

¹⁶ F. Bollati. Illustrazione..., p. 107, § 422. Cp.: Byzantinobulgarica, v. 4, 1973, p. 247, § 422.

¹⁷ Gabras, ep. 421. 12.

¹⁸ Ibid., ep. 27. 4, 44; 315. 6.

¹⁹ Ibid., ep. 58. 14.

²⁰ Ibid., ep. 11. 15; 27. 43; 376. 55; 421. 97.

²¹ Cydon., v. 2, ep. 418. 24.

²² Ioannis Dlugossi Historiae Polonicae libri XII, ed. G. Groddeckius, v. 1. Francofurti, 1711, p. 790.

²³ Д. Ангелов. Съобщително-операционни линии и осведомителна служба във войните и външно-политическите отношения между България и Византия през XII—XIV вв.—ИВИД, кн. 22—24. София, 1948, с. 236—239, 244. О сроке доставки писем см.: С. Лишев. Българският средновековен град. София, 1970, с. 144—145. Для сравнения с другими странами см.: Писъма темных людей. Вступительная статья, перевод и комментарии Н. А. Куна. М.—Л., 1935, с. 257, прим. 279 (начало XVI в.); U. V. Bosch. Kaiser Andronikos III. Palaiologos. Amsterdam, 1965, S. 129, Anm. 1.

²⁴ N. Festa. Theodori Ducae Lascaris epistulae CCXVII. Firenze, 1898, ep. 41 (p. 53. 15—17); H. Hunger. Johannes Chortasmenos (ca. 1370 — ca. 1436/37). Briefe, Gedichte und kleine Schriften. Einleitung, Regesten, Prosopographie, Text. Wien, 1969 (Далее — Chortas.), ep. 19, 25.

²⁵ Chortas., S. 36.

²⁶ Ibid., ep. 25, 37.

²⁷ S. Pétridès. Jean Apokaukos, lettres et autres documents inédites.—ИРАИК, т. 14, 1909, ep. 4.

²⁸ Gabras, ep. 323. 6; 327. 8; 328. 2.

²⁹ Nicephori Gregorae Byzantina Historia, ed. L. Schopen, v. 1—2. Bonnae, 1829—1830; ed. I. Bekker, v. 3. Bonnae, 1855, hic v. 1, p. 430. 11; Ioannis Cantacuzeni Histo-

riarum libri IV, ed. L. Schopen, v. 1—3. Bonnae, 1828—1832, hic v. 1, p. 292.12—300.4.

³⁰ S. Eustratiades. Gregoriou tou Kypriou oicuomenicou patriarchou epistolai cai mythoi. En Alexandria, 1910, ep. 155, 156 157; Ioseph monachou tou Bryenniou ta paraleipomena ..., t. 3. En Leipsia tes Saxonias, etei 1784, ep. 25.

³¹ Ioseph monachou tou Bryenniou ta paraleipomena ..., t. 3, ep. 25. 4—6.

³² Gabras, ep. 79. 35; 421. 117. Ср.: *ibid.*, ep. 58. 6 (смешение оригинала письма с его копией).

³³ *Ibid.*, ep. 175.3; 301.3; 329.3; 365.4; 419.2; 450.8.

³⁴ *Ibid.*, ep. 421. 116—117. Следует учесть термин, применяющийся для обозначения писем — *epistolmena* (*ibid.*, ep. 421. 117).

³⁵ Cydon., v. 2, ep. 442. 13—14.

³⁶ *Ibid.*, ep. 418.28

³⁷ H. Hunger. Byzantinische Geisteswelt von Konstantin dem Grossen bis zum Fall Konstantinopels. Baden-Baden, 1958, S. 67; Chortas., S. 36.

³⁸ Обзор теории поздневизантийского эпистолярного стиля дан на основе писем, которые всецело или в известной мере посвящены изложению правил написания эпистолярных произведений. Это письма Григория Кипрского (№ 64), Димитрия Кидониса (№ 66, 78, 80, 85, 120, 190, 269, 359, 418), Иоанна Хортасмена (№ 8, 22, 46, 49), Иосифа Врненния (№ 1, 2, 3, 10, 12, 13, 14, 19, 25), Мануила II Палеолога (№ 37), Михаила Гавры (№ 23, 27, 30, 72, 87, 106, 124, 258, 277, 324, 376, 391, 436, 440), Никифора Григоры (№ 79), Феодора Гиртакина (№ 50) — всего 40 писем.

³⁹ He synopsis tes retorikes, cap. XIV.—Rhetores graeci, ed. Chr. Walz, v. 3. Stuttgart, 1836, p. 558—564.

⁴⁰ L. Rockinger. Ueber die Ars dictandi und die Summae dictaminum in Italien, vorzugsweise in der Lombardei, vom Ausgange des XI. bis in die zweite Hälfte des XIII. Jahrhunderts.—SBAW, historische Klasse, Bd. 1. Jahrgang 1861, S. 111; Chortas., S. 35.

⁴¹ Cydon., v. 1, ep. 66. 5—6.

⁴² Ioseph monachou tou Bryenniou ta paraleipomena ..., t. 3, ep. 2 (sel. 129), ep. 10 (sel. 148).

⁴³ Gabras, ep. 72.63; 87.52; 106.27.

⁴⁴ Cydon., v. 1, ep. 190. 31—32.

⁴⁵ Gabras, ep. 23.25; 124.128.

⁴⁶ Cydon., v. 1, ep. 190. 40—41.

⁴⁷ Gabras, ep. 30.5.

⁴⁸ *Ibid.*, ep. 391.54. Ср. также: *ibid.*, ep. 440.3.

⁴⁹ M. Treu. Michael Italikos.—BZ, Bd. 4, 1895, S. 4.

⁵⁰ He synopsis tes retorikes, cap. XIV.—Rhetores graeci, ed. Chr. Walz, v. 3. Stuttgart, 1836, p. 559.

⁵¹ Cydon., v. 1, ep. 80.6—7.

⁵² *Ibid.*, v. 2, ep. 359.22.

⁵³ Libanii Opera, rec. R. Foerster, v. 1—11. Lipsiae, 1903—1922, hic v. 11, nr. 1583 (p. 576).

⁵⁴ Migne PG, t. 102, 1864, col. 765.

⁵⁵ Ioseph monachou tou Bryenniou ta paraleipomena ..., t. 3, ep. 25 (sel. 181).

⁵⁶ Cydon. v. 2, ep. 418.28—29.

⁵⁷ *Ibid.*, v. 1, ep. 120.6.

⁵⁸ *Ibid.*, ep. 120.11—12.

⁵⁹ H. Hunger. Byzantinische Geisteswelt ..., S. 67, 319.

⁶⁰ Cydon., v. 1, ep. 85.7—9.

⁶¹ *Ibid.*, ep. 85.9—12.

⁶² Gabras, ep. 27.83; 258.2; 277.3; 324.10; 376.12; 436.73.

⁶³ Ioseph monachou tou Bryenniou ta paraleipomena ..., t. 3, ep. 1 (sel. 127), ep. 3 (sel. 132), ep. 12 (sel. 157) ep. 13 (sel. 159), ep. 14 (sel. 161).

⁶⁴ Cydon., v. 2, ep. 269.4—6.

⁶⁵ L. Radermacher. Demetrii Phalerei qui dicitur De elocutione libellus. Lipsiae, 1901 (Далее — Peri hermeneias), § 231.

⁶⁶ H. Koskenniemi. Studien zur Idee und Phraseologie des griechischen Briefes bis 400 h. Ch. Helsinki, 1956, S. 35, 37.

⁶⁷ О дискуссии по поводу личности Артемона см.: J. Sykutris. Epistolographie.—

RE, Supplementband 5. Stuttgart, 1931, S. 189; W. Kroll. Rhetorik.—RE, Supplementband 7. Stuttgart, 1940, S. 1079; H. Koskenniemi. Studien ..., S. 25.

⁶⁸ Peri hermeneias, § 223.

⁶⁹ Peri epistolimaïou characteres.—In: V. Weichert. Demetrii et Libanii qui feruntur TYPOI EPISTOLICOL et EPISTOLIMAIOI CHARACTERES. Lipsiae, 1910 (Biblioteca Teubneriana).

⁷⁰ Typoi epistolicoi.—In: V. Weichert. Demetrii...

⁷¹ H. Koskenniemi. Studien ..., S. 34—37.

⁷² M. J. Manoussakas. Problèmes de l'Epistolographie Nêohellénique.—SBN, v. 7, 1953, p. 147 s.; J. Dimaras. Neellenike Epistolographia. Athenai, 1955, sel. 12 hex.

⁷³ Peri hermeneias, § 227.

⁷⁴ Ibid., § 223, 228, 235.

⁷⁵ R. Hercher. Epistolographi graeci. Parisiis, 1871, p. 15.1—24.

⁷⁶ Peri hermeneias, § 232.

⁷⁷ Ibid., § 224.

⁷⁸ R. Hercher. Epistolographi graeci, p. 15.25—26; Peri hermeneias, § 235.

⁷⁹ Остроумие не следует рассматривать как особое требование к письму. В письме Григория Назианзина к Никобулу остроумие, использование шуток и намеков преподносится как одно из средств для достижения изящества письма. Ср.: Т. А. Миллер. Античные теории эпистолярного стиля.—В кн.: Античная эпистолография. Очерки. М., 1967, с. 24.

⁸⁰ Peri hermeneias, § 230.

⁸¹ J. Sykutris. Epistolographie, S. 193.

⁸² R. Hercher. Epistolographi graeci, p. 15.6—7; Peri hermeneias, § 228.

⁸³ Peri hermeneias, § 234.

⁸⁴ Г. Хунгер этого не отрицает (Chortas., S. 35), но в таком случае не выдерживает критики его тезис о существовавших без изменения тысячелетие старых эпистолографических правилах.

⁸⁵ Это еще один факт в пользу того положения, что поздневизантийское письмо рассматривалось прежде всего как сообщение. В значении «сообщать» могли употребляться не только глагол anaphero (Cydon., v. 1, ep. 80. 4), но также глаголы anapithe-mi (Migne PG, t. 152, 1866. col. 1295) и epitrepo (ibidem).

⁸⁶ Cydon., v. 1, ep. 80.4—7.

⁸⁷ Em. Legrand. Lettres de l'empereur Manuel Paléologue. P., 1897, ep. 37.2—3.

⁸⁸ Cydon., v. 1, ep. 120.14—15.

⁸⁹ He synopsis tes retorikes, cap. XIV.—Rhetores graeci, ed. Chr. Walz. v. 3. Stuttgart, 1836, p. 559.

⁹⁰ Sophronios Eustratiades. Gregorion tou Kypriou oicoumenicou patriarchou epistolai cai mythoi. En Alexandria, 1910, ep. 64.

⁹¹ F. J. G. la Porte-du Theil. Notice et Extraits d'un volume de la Bibliothèque nationale, coté MCCIX, parmi les manuscrits Grecs, et contenant les Opuscules et les Lettres anecdotes de Théodôre J'Hyrtacénien.—Not. et extr., t. VI. P., 1800, ep. 50. См. также: H. Hunger. Aspekte der griechischen Rhetorik von Gorgias bis zum Untergang von Byzanz. Wien, 1972, S. 24.

⁹² Cydon., v. 1, ep. 120.13.

⁹³ Ibid., v. 2, ep. 190.37—38.

⁹⁴ Ibid., v. 1, ep. 66.7; 78.5—7.

⁹⁵ He synopsis tes retorikes, cap. XIV.—Rhetores graeci, ed. Chr. Walz, v. 3. Stuttgart, 1836, p. 559.

⁹⁶ Gabras, I. Teil, S. 13, Anm. 2.

⁹⁷ R. Guillard. Correspondance de Nicéphore Grégoras. P., 1927, ep. 79 (p. 107).

⁹⁸ Cydon., v. 1, ep. 78.6.

⁹⁹ Ibid., ep. 66.3—8.

¹⁰⁰ Ioseph monachou tou Bryenniou ta paraleipomena ..., t. 3, sel. 170 (ep. 19).

¹⁰¹ Ph. Meyer. Des Ioseph Bryennios. Schriften, Leben und Bildung.—BZ, Bd. 5, 1896, S. 105.

¹⁰² Em. Legrand. Lettres..., ep. 37.11—12.

¹⁰³ Chortas., ep. 8. См.: ibid., S. 35.

¹⁰⁴ Gabras, I. Teil, S. 18.

- ¹⁰⁵ G. H. Karlsson, G. Fatouros. Aus der Briefsammlung des Anonymus Florentinus (Georgios? Oinaïotes).—Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik, Bd. 22, 1973, ep. 158.17—18 (S. 208).
- ¹⁰⁶ H. Baerwald. Zur Charakteristik und Kritik mittelalterlicher Formelbücher. Wien, 1858. S. 9.
- ¹⁰⁷ L. Rockinger. Ueber die Ars dictandi..., S. 112.
- ¹⁰⁸ S. Pétridès. Jean Apokaukos, lettres et autres documents inédits.—ИРАИК, т. 14, 1909, ep. 11, 22.
- ¹⁰⁹ Ibid., ep. 19, 27.
- ¹¹⁰ S. Lindstam. Georgii Lacapeni et Andronici Zaridae epistulae XXXII cum epimerismus Lacapeni. Gothoburgi, 1924, ep. 13, 20, 22, 23, 26, 27.
- ¹¹¹ R. Guillard. Correspondance..., ep. 1 (p. 272.6).
- ¹¹² Ibid., ep. 17 (p. 281.23—24).
- ¹¹³ Ibid. ep. 21 (p. 285.2—3).
- ¹¹⁴ Em. Legrand. Lettres..., ep. 1, 5, 6, 11, 12.16.
- ¹¹⁵ M. Treu. Maximi monachi Planudis epistulae. Vratislavie, 1890, ep. 28; J. Fr. Boissonade. Anecdota Nova. Parisiis, 1844, ep. 2, 32, 34, 35; Em. Legrand. Lettres..., ep. 44, 52.
- ¹¹⁶ M. Treu. Maximi monachi Planudis epistulae, ep. 1, 5; J. Fr. Boissonade. Anecdota Nova, ep. 67, 81, 83, 87; Chortas., ep. 46.1.
- ¹¹⁷ Migne PG, t. 161, 1866, col. 723.
- ¹¹⁸ Em. Legrand. Cent-dix lettres grecques de François Filelfe. P., 1892, ep. 3.
- ¹¹⁹ Migne PG, t. 156, 1866, col. 53.
- ¹²⁰ Em. Legrand. Cent-dix-lettres..., ep. 37 (p. 73. 1). Ср. соответствующую формулу в письмах, написанных по латыни византийцами: Migne PG, t. 161, 1866, col. 647 C, 915, 923. Стержневое слово формулы — *salutem*.
- ¹²¹ Migne PG, t. 140, 1887, col. 472 A.
- ¹²² J. Fr. Boissonade. Anecdota graeca e codicibus regiis, v. 5. Parisiis, 1833, p. 402.
- ¹²³ Chortas., ep. 4.1—2.
- ¹²⁴ Migne PG, t. 161, col. 829 A.
- ¹²⁵ Chortas., ep. 37.6—7; Gabras, ep. 7.7; 36.19; 43.76; 129.24; 141.29; 249.27.
- ¹²⁶ Migne PG, t. 140. 1887, col. 472 A. 5.
- ¹²⁷ Cydon., v. 2, ep. 269.4. См. также: *ibid.*, v. 1, ep. 37.7.
- ¹²⁸ N. Festa. Theodori Ducae Lascaris epistulae..., ep. 8.1—2.
- ¹²⁹ Cydon., v. 1, ep. 28.4.
- ¹³⁰ Ibid., ep. 78.4.
- ¹³¹ Ibid., v. 2, ep. 359.18—23.
- ¹³² Ibid., v. 1, ep. 80.4—6.
- ¹³³ Ibid., v. 2, ep. 167.4.
- ¹³⁴ Ibid., ep. 359.21—22.
- ¹³⁵ N. Festa. Theodori Ducae Lascaris epistulae..., ep. 85.2—3.
- ¹³⁶ Chortas., ep. 46.2.
- ¹³⁷ Ibid., ep. 49.55—56.
- ¹³⁸ Gabras, ep. 72.63; 87.52; 106.27; Ioseph monachou tou Bryenniou ta paraleipomena..., t. 3, ep. 2 (sel. 129), ep. 10 (sel. 148).
- ¹³⁹ Migne PG, t. 140, 1887, col. 472. A. 5—10.
- ¹⁴⁰ Cydon., v. 2, ep. 269.4—6.
- ¹⁴¹ Ioseph monachou tou Bryenniou ta paraleipomena..., t. 3, sel. 127, 132, 157, 159, 161; О письме как замене совместного пребывания: Gabras, ep. 27.83; 258.2; 277.3; 324.10; 376.12; 436.73.
- ¹⁴² Cydon., v. 2, ep. 269.4, 9—11, 16—18, 21—22, 26—27, 27—28, 28—31; 44—45.
- ¹⁴³ Chortas., ep. 37.19.
- ¹⁴⁴ Cydon., v. 1, ep. 73.5—7.
- ¹⁴⁵ Ibid., v. 2, ep. 269.44—45.
- ¹⁴⁶ N. Festa. Theodori Ducae Lascaris epistulae..., ep. 8.3, 18, 23—24, 27, 27—28.
- ¹⁴⁷ R. Guillard. Correspondance..., ep. 12.9; 159.31.
- ¹⁴⁸ N. Festa. Theodori Ducae Lascaris epistulae..., ep. 8.1—2; 85.2—3.
- ¹⁴⁹ Ibid., ep. 85.3.
- ¹⁵⁰ Cydon., v. 2, ep. 331.4.

- ¹⁵¹ Ibid., ep. 269.4—5, 7—9; 345.4.
¹⁵² Ibid., ep. 223.5—7.
¹⁵³ Ibid., v. 1, ep. 78.4—5.
¹⁵⁴ Ibid., v. 2, ep. 269.7—8.
¹⁵⁵ Ibid., v. 1, ep. 28.9; Gabras, ep. 4.3; 7.53; 11.7; 27.78; 36.4; 53.2; 68.4; 103.4;
109.11; 121.20; 132.3; 140.6; 353.53.
¹⁵⁶ Ibid., ep. 28.29—30.
¹⁵⁷ Ibid., ep. 85.17—18; Gabras, ep. 12.24—25; 68.19; 96.13; 246.3; 314.2.
¹⁵⁸ Cydon., ep. 78.5.
¹⁵⁹ Ibid., v. 2, ep. 359.16; Gabras, ep. 72.120.
¹⁶⁰ Ibid., ep. 190.4—11.
¹⁶¹ Em. Legrand. Lettres..., ep. 37.2—4.
¹⁶² Cydon., v. 1, ep. 93.4—13; v. 2, ep. 167.4—5.
¹⁶³ Ibid., v. 2, ep. 359.16—17.
¹⁶⁴ Ibid., ep. 359.7—8; 418.7—8.
¹⁶⁵ R. Guillard. Correspondance..., ep. 12; p. 51.8).
¹⁶⁶ Ibid., ep. 12 (p. 51.8—9); Cydon., v. 1, ep. 72.18 sq.; 442.11.
¹⁶⁷ Chortas., ep. 54.8—9.
¹⁶⁸ Nicolai Cabasilae epistulae Y.—R.—J. Loenertz. Démétrius Cydonès Correspon-
dance, v. 1. Vatic., 1956, p. 169—172 (Далее — Cabas).
¹⁶⁹ Cydon., v. 2, ep. 190.59—61.
¹⁷⁰ Em. Legrand. Cent-dix lettres..., ep. 43 (p. 83.8—9).
¹⁷¹ H. Koskenniemi. Studien..., S. 137.
¹⁷² G. Karlsson. Idéologie et cérémonial dans l'épistolographie byzantine. Tex-
tes du Xe siècle analysés et commentés. Uppsala, 1959, p. 139—140 (новое издание вы-
шло в 1962 г.).
¹⁷³ Ph. Koukoules. Thessalonikes Eustathiou ta laographica, t. 2. Athenai,
1950, sel. 92—93.
¹⁷⁴ N. Festa. Theodori Ducae Lascaris epistulae..., ep. 193 (p. 240.16).
¹⁷⁵ Ibid., ep. 41 (p. 53.17—18). Клаузулу находим выше (p. 53. 15).
¹⁷⁶ R. Guillard. Correspondance..., ep. 159 (p. 265, 31). Аналогичное местополо-
жение занимает эта формула и в греческих письмах, присланных из-за границы: ibid.,
ep. 21 (p. 287.31).
¹⁷⁷ Ibid., ep. 129 (p. 225.6).
¹⁷⁸ Migne PG, t. 156, 1866, col. 58.
¹⁷⁹ Cydon., v. 2, ep. 418.24; Chortas., ep. 14.24.
¹⁸⁰ Chortas., ep. 54.9.
¹⁸¹ Ibid., ep. 32.24—25.
¹⁸² Cydon., v. 2, ep. 190.30—31.
¹⁸³ R. Guillard. Correspondance..., ep. 151 (p. 235.25).
¹⁸⁴ Ibid., ep. 12 (p. 57.9), 159 (p. 265.31).
¹⁸⁵ Cydon., v. 2, ep. 190.5.
¹⁸⁶ Ibid., ep. 190.6.
¹⁸⁷ Ibid., ep. 418.24—25.
¹⁸⁸ Ibid., ep. 418.28—29.
¹⁸⁹ Ibid., ep. 325.8—10.
¹⁹⁰ Ibid., ep. 325.27—28.
¹⁹¹ N. Festa. Theodori Ducae Lascaris epistulae..., ep. 85.4.
¹⁹² Chortas., ep. 37.24.
¹⁹³ Ibid., ep. 21.19.
¹⁹⁴ Cydon., v. 2, ep. 359.23—25.
¹⁹⁵ Ibid., ep. 190.31—32; о письме как лучшем лекарстве: Gabras, ep. 23—25;
124.128.
¹⁹⁶ Cydon., v. 2, ep. 359.4—5.
¹⁹⁷ Ibid., v. 1, ep. 66.6—7. Ср. с местонахождением формулы в первой четверти
XIV в.: Gabras, ep. 264.25.
¹⁹⁸ Chortas., ep. 4.7.
¹⁹⁹ N. Festa. Theodori Ducae Lascaris epistulae..., ep. 41 (p. 52.15).
²⁰⁰ R. Guillard. Correspondance..., ep. 151 (p. 235.25—26).

- ²⁰¹ *Epidemia Mazari en Aidou*.— A. Ellissen. *Analekten der mittel- und neugriechischen Literatur*, 4. Teil, 1. Abt. Leipzig, 1860, S. 248.25—26.
- ²⁰² R. Guillard. *Correspondance...*, ep. 53 (p. 199.30).
- ²⁰³ N. Festa. *Theodori Ducae Lascaris epistulae...*, ep. 44 (p. 59.120—121) 45 (p. 62.74—75), 6 (p. 10.43—44), 7 (p. 11.14—15), 21 (p. 27.9). См. также: G. H. Karlsson, G. Fatouros. *Aus der Briefsammlung...*, ep. 158.19 (S. 208).
- ²⁰⁴ *Ibid.*, ep. 22 (p. 28.8—9).
- ²⁰⁵ *Ibid.*, ep. 5 (p. 8.24—25).
- ²⁰⁶ *Ibid.*, ep. 1 (p. 3.55—56).
- ²⁰⁷ *Cydon.*, v. 1, ep. 83.17.
- ²⁰⁸ Отсутствие конкретных исторических дат в византийских письмах, в том числе в переписке Хортасмена, отметил в 1969 г. Г. Хунгер: Ghortas., S. 35.
- ²⁰⁹ R. Guillard. *Correspondance...*, ep. 21.2—3.
- ²¹⁰ *Epidemia Mazari en Aidou*, S. 248. 27—28; 250. 24—26. Местонахождение даты не конформно (или в конце письма, как в приведенных случаях, или в начале письма, как в письме Мазариса из Пелопоннеса в Аид Голоболу от 21 сентября 1415 г.)
- ²¹¹ Migne PG, t. 153, 1866, col. 1068.
- ²¹² Не следует смешивать *praescriptio* письма и *praescriptio* (или *promulgatio*) акта. Их функциональное содержание было различным.
- ²¹³ В византийской частной грамоте эта часть акта называлась *protage* (F. Dölger. *Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München*, 1948, S. 284).
- ²¹⁴ О структуре поздневизантийских актов см. G. Ralles, M. Potles. *Syntagma ton theion cai hieron canonon*, t. 5. Athenai, 1855, sel. 497—512 (патриаршие грамоты); П. А. Яковенко. Исследования в области византийских грамот. Грамоты Нового монастыря на Хиосе. Юрьев, 1917; F. Dölger. *Aus den Schatzkammern...*, S. 19—24, 90, 150—153, 212—218, 271, 283 etc.; А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии. XIII—XIV вв. М., 1952, с. 28—36 (купчие грамоты); F. Dölger. *Byzantinische Diplomatie. Ettal*, 1956; F. Dölger, J. Karayannopoulos. *Byzantinische Urkundenlehre. I. Abschnitt: Die Kaiserurkunden. München*, 1968, S. 27—56.
- ²¹⁵ *Cydon.*, v. 1, ep. 66.3—8. В этом письме, наряду с *araggelia*, встречаются формула констатации получения письма (*ibid.*, ep. 66.3) и формула мотивировки собственного письма (*ibid.*, ep. 66.6—7).
- ²¹⁶ Из первой сотни писем Димитрия Кидониса *inscriptio* отсутствует в письмах № 5, 34, 40, 54, 55, 57, 59, 62, 63, 64, 65, 66, 78, 81, 85, 88, 93, 94, 96, 99, 100.
- ²¹⁷ Т. В. Попова. Византийская эпистолография.— В кн.: Византийская литература. М., 1974, с. 214.
- ²¹⁸ N. Festa. *Theodori Ducae Lascaris epistulae...*, ep. 41 (p. 52.15).
- ²¹⁹ R. Guillard. *Correspondance...*, ep. 53 (p. 199.30), ep. 151 (p. 235.25—26).
- ²²⁰ Ghortas., ep. 4.7; *Epidemia Mazari en Aidou*, S. 248.25—26.
- ²²¹ R.—J. Loenertz. *Jacobi praedicatoris ad Andronicum Palaeologum Majorem epistula*.— *Archivum Fratrum Praedicatorum*, v. 29, 1959, p. 73—88.
- ²²² *Cydon.*, v. 1, ep. 66.3—8.
- ²²³ *Ibid.*, p. 99.
- ²²⁴ *Ibid.*, v. 2, p. 484—496.